

Экскурсия на родину

Москва, Прида, 2003 - 16 мая С.З.

Премью имени Аполлона Григорьева прозаик **Андрей Дмитриев** получил за повесть «Дорога обратно». Она и дала название его сборнику (издательство «ВАГРИУС»). Кроме этой повести, в книге еще две - «Воскобоев и Елизавета» и «Поворот реки». А еще роман «Закрытая книга». Если попытаться определить, что в них общего, то получится, что А. Дмитриев на разных конкретных ситуациях рассматривает (и нам показывает) особенности и парадоксы русского национального характера. Человек талантливый и умный, автор нигде не позволяет себе рассуждений и вообще публицистики на эту тему. Он вспоминает то, что называется «случаи». Если бы не обилие трупов и неприкрашенность наших страшных реалий, они могли бы идти под рубрику «Провинциальные анекдоты».

Но, поскольку трупов много, полностью под эту рубрику подпадает только повесть, давшая название книге и вообще, несомненно, лучшая. Повествователь вспоминает свою няньку, женщину славную, но на диво легковерную и легкомысленную. Однажды она пошла в магазин и встре-

тила своего бывшего сослуживца. Он позвал ее сесть в его «зеленый газик» с брезентовым верхом». Там находился еще старик и какая-то женщина. Поехали.

- А куда? - спросила нянька, Мария ее звали.

- Куда народ, туда и мы, - ответили ей, и эта фраза тоже могла бы стать названием повести. Ибо едут они, как выясняется, в Пушгоры, на пушкинский, как вы понимаете, праздник. Там пьют по-черному (опять же, как «народ») и слушают стихи. Автор называет тех, кто читал в пушкинских местах свои тексты, уверяя, что это Мария запомнила, хотя в это поверить невозможно (единственное фальшивое место в повести). Итак: Дудин, Антокольский, Долматовский, Цыбин, Храмов, Браун, Ошанин, Доризо и Фонаков.

Ну а потом оба спутника Марию вроде как замуж зовут. Что не помешало им ее бросить и уехать по окончании торжеств. И вот она добирается домой. Пешком. Двести километров. Собственно, не домой, нет у этой женщины дома, а в семью, куда ее нянькой взяли. Как с ней, опухшей и ободранной, обращались те, у

кого она просила помощи, нетрудно представить. Но потом, в городе, Мария снова встречает эту свою пушкиногорскую компанию и, подавшись их агитации, требует у своих хозяев, чтобы те постоянно прописали ее и отдали часть жилплощади. Марию увольняют. Все. Остальное - попытки, как у нас и положено, объяснить, почему она такая. Сиротой росла Ма-

рия, во время войны с немцем спала, за это ее потом в тюрьму посадили...

Но сама Мария себе оправданий не ищет. Она считает, что с ней все так, как должно быть. «Не повезло, все так, но справедливо». Потому что ей иногда все же бывало хорошо. С немцем тем давним ради еды была с ним Мария. «Вот если бы с Кнуче было мне противно, как, например, Тамарке с Михаэлем - я б, может, как Тамарка, прожила все эти годы по-людски... Вот если б мне со старшиной и со Смыкаловым - солдатиком вдруг было хорошо, как раньше с Кнуче, - тогда б вода в Щепце была противной - но я за это села бы в поезд... Ты, если хочешь, чтобы жизнь нормальную ладилась, живи, пожалуй, плохо, но не сильно плохо». Ну а Мария этого ровного «плохо» не выдерживает. Еще до начала событий ей улыбнулось неслыханное счастье: начальник всех вагон-ресторанов велел ей за ночь сварить несколько ящиков яиц, разревив их есть при этом сколько угодно. Знаете, сколько съела она? Сорок три штуки! Может ей быть после этого хорошо?

Есть у меня подозрение, что, например, В. Астафьев написал

бы эту Марию как-то совсем иначе, не столь экзотической. И мне, при всей симпатии, которую вызвал А. Дмитриев, охота его кое о чем спросить. Вот эта Мария - нянькой работает в семье, как сказано, комсомольского работника. Жизненный опыт мне при этом подсказывает: видимо, начальника, иначе какая нянька? «Заявлен» автором этот человек, комсомольский, то есть, работник, интеллигентом и либералом. Но при внимательном взгляде на то, чем он занимался у себя на работе, уверяю вас, экзотика открылась бы еще покруче, чем мы можем видеть с этой несчастной нелепой Марией, съевшей сорок три крутых яйца.

Еще две повести - тоже с «характерами», но они несут отпечаток серьезности и литературности. Роман заставляет вспомнить последние вещи В. Попова. Совершенно очевидно питерское происхождение автора книги и его включенность в тамошние писательские «отношения». Соблазна изобразить своих коллег А. Дмитриев избежать не смог. Впрочем, делает он это занятно. Хотя, конечно, это чтение на любителя.

Татьяна БЛАЖНОВА.